

УДК [323.22 + 316..3/. 4]

**ПОСТМОЛОДЁЖЬ КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН:
ПРОБЛЕМА РЕЛЯТИВНОСТИ**

С. Н. Чурун

POST YOUTH AS A SOCIAL AND POLITICAL PHENOMENON: THE PROBLEM OF RELATIVITY

S. N. Chirun

Статья посвящена статусно-возрастным аспектам молодёжной политики, актуализирующимся в ситуации постмодерна. В статье рассматриваются методологические подходы ювенологии, актуальные концепции молодёжи и молодёжной политики, в том числе «концептуального отрицания молодёжи», проводится их сравнительный анализ.

Автор обращает внимание на изменение статуса молодёжи в обществе, связывая динамику изменений с глобальными социально-политическими процессами.

Комбинирование институционального анализа, сетевого подхода и теории «неформальной институционализации» позволило автору выявить как формальные, так и неформальные характеристики новой молодёжной политики.

В статье автор предлагает собственную концепцию постмолодёжи в качестве категории, отвечающей условиям ситуации постмодерна в политике.

The paper is devoted to the status- and age-related aspects of youth policy that become urgent in the postmodern situation. The paper discusses the methodological approaches of the sociology of youth, the current concepts of youth and youth policy, including the “conceptual denial of Youth”, their comparative analysis is provided.

The author draws attention to the change in the status of young people in society, linking the dynamics of changes in the global socio-political processes.

The combination of institutional analysis, network approach and the theory of informal institutionalization has enabled the author to identify both formal and informal characteristics of the new youth policy. The author offers his own concept of «post youth», as a category conforming, the postmodern situation in politics.

Ключевые слова: молодёжь, возраст, постмодерн, политическое участие.

Keywords: youth, age, postmodern, political participation.

Сущность молодежи в ее особенностях, обусловленных как спецификой возраста, так и конкретно-историческим характером общественных отношений. Особый интерес в контексте рассматриваемой проблемы к такой социальной группе как молодежь обуславливается, прежде всего тем, что именно от неё зависит будущее нашего общества. Фактически молодежь оказывается воплощением времени. Такое понимание молодежи можно интерпретировать с позиции реляционной концепции времени, согласно которой время понимается как смена качественных состояний изменяющегося объекта. При этом, связывая время с молодежью, получается, что будущее государства, политической системы можно спрогнозировать, наблюдая то новое поколение, которое уже актуально существует в настоящем времени в молодежном сообществе.

Таким образом, специфика молодёжи в данном случае состоит в том, что в лице молодежи будущее существует в настоящем (что нетипично для многих объектов), а уж потом настоящее потенциально проецируется в будущее [17, с. 230].

В. А. Луков выделяет три основные модели теоретического осмысления категории «молодежь»: молодежь как носитель психофизических свойств молодости; как субкультурный феномен; как участник ювенизационно – адаптационных процессов [9].

Молодежь имеет двойственную природу, т. е. не может рассматриваться лишь как явление биологиче-

ского порядка. Конечно, молодость как определенная хронологическая фаза, этап биологического цикла универсальна, но границы молодёжного возраста, связанные с ней статусы и характеристики, зависят от конкретных особенностей политического режима, политической культуры и молодёжной политики.

В нашей стране одно из первых определений понятия «молодежь» было дано в 1968 г. В. Т. Лисовским, который определял её как особое поколение: «Молодежь – это поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих, а в более зрелом возрасте уже усвоивших, образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции; в зависимости от конкретных исторических условий возрастные критерии молодежи могут колебаться от 16 до 30 лет» [11].

Попытаемся проанализировать корректность данного определения молодёжи, предложенного в индустриальный период «развитого социализма», для молодёжи теперь уже в обществе постмодерна.

Итак, во-первых: «Молодежь – это поколение людей, проходящих стадию социализации...». Само по себе это не вызывает сомнения, однако если автор видит в этом особенность молодёжи, отличающую её от других социально-демографических групп, то здесь вопросы, конечно, возникают. Ведь разве другие социально-демографические группы не характеризуются тем же, т. е. прохождением определённой стадии социализации? Ведь особенность социализации в со-

временном (постсовременном) обществе заключается в её перманентности на протяжении всей жизни человека и несводимости лишь к отдельным этапам этой жизни.

Во-вторых, из определения следует, что молодёжь – это те, кто усваивает необходимые им для жизни функции: образовательные, профессиональные, культурные и ещё не готовые, но готовятся к выполнению востребованных обществом социальных ролей. Здесь типичная для индустриального общества (модерна) картина, поскольку в модерне молодёжь не рассматривается в качестве полноправного действующего субъекта, но является ли такой подход приемлемым для постмодерна? Думаю, нет. Те, необходимые когда-то, знания, умения, навыки, компетенции, которыми обладает старшее поколение, утрачивают свою актуальность, причем в условиях постмодерна это происходит очень быстро. Как следствие – образование становится непрерывным [17, с. 91], продолжаясь в течение фактически всей трудовой карьеры, и здесь старшие поколения, вследствие своих психофизических особенностей, обусловленных возрастными характеристиками, проигрывают молодёжи. И. М. Ильинский и В. А. Луков, отмечая универсальные свойства молодёжи, писали, что социальный статус молодежи во всех конкретных обществах и во все времена в главном одинаков: молодёжь – одновременно объект и субъект социализации [18, с. 300 – 302]. Однако разве только молодёжь сегодня является одновременно и объектом и субъектом социализации? Разве не можем мы сказать, что объектом и субъектом социализации являются, к примеру, пожилые люди? Еще одно «классическое» определение молодёжи принадлежит И. С. Кону: «Молодежь – социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных тем и другим социально-психологических свойств» [10].

Исследователи продолжают рассматривать молодёжь как объективно сложившуюся социально-демографическую общность, характеризующуюся типичными условиями формирования, однородностью мировосприятия, единством доминирующих социально-психологических качеств, сходными методами решения поставленных историей задач, соответствующих конкретным историческим условиям. Молодёжь эпохи модерна внутренне расчленена по различным признакам (возрастному, социально-классовому, национальному, конфессиональному, политическому, социокультурному и др.), но характеризуется относительной устойчивостью, являясь продуктом естественно-исторического развития, поскольку члены одного поколения связаны между собой временем своего социального бытия. Поэтому И. С. Кон давал определение молодежи как социально-демографической группы, имеющей собственный социальный статус. Но он ограничивал основную специфику молодежи индивидуальными различиями, потребностью и способностью к интимной психологической близости, а также к продуктивной творческой деятельности [10, с. 7]. Таким образом, в определении молодежи (эпохи

модерна) выделяются следующие характеристики: хронологическая интерпретация границ молодежного возраста, особенности социального статуса, ролевые стереотипы поведения, характеристики социально-демографической группы, социально-психологические характеристики, процесс социализации в конкретный исторический период, самоидентификация и самоопределение молодежи как социальной группы. Иначе говоря, в постмодерне ситуация кардинально меняется, и уже не молодёжь, как это было в модерне, а старшие поколения испытывают дискриминацию по критерию хронологического возраста.

Отчасти это связано с тем, что постсовременное общество предъявляет совершенно противоположные по сравнению с советской системой требования к социальным качествам личности: ориентирует на индивидуализм, приоритет частного интереса, расчет на собственные силы, инициативу, предприимчивость, ценность времени, на максимальные достижения в труде и личный успех [15, с. 97 – 110].

Хронологические показатели возраста не совершенны, поскольку не учитывают достаточно дифференцированной длительности подготовки различных социальных групп к трудовой деятельности (от 4 лет для некоторых групп рабочих, до 20 лет для ученого). Поэтому период социальной «молодости» у различных групп населения оказывается разным по продолжительности. В результате, по данным статистики, официальным документам, в типологиях исследований в одном поколении молодежи (до 30 лет) оказываются учащиеся, получающие специальность студенты, рабочие, служащие, а также и успешные молодые политики и предприниматели, имеющие уже достаточный уровень общественного признания, собственное дело, семью, занимающие высокие административные должности. Приведём несколько примеров. Б. Е. Немцов – в 30 лет избран народным депутатом РСФСР по Горьковскому национально-территориальному округу, а спустя год становится полномочным представителем Президента РФ в Нижегородской области и главой администрации Нижегородской области. Известный предприниматель и политик М. Д. Прохоров в 24 года становится начальником управления Международного банка экономического сотрудничества (МБЭС), в 27 лет – он уже председатель правления акционерного коммерческого банка «Международная финансовая компания», через год председатель правления ОНЭКСИМ Банка, а к 35 годам он являлся президентом АКБ «РОСБАНК». Ко всему, он ещё и активный блогер [17, с. 34]. Н. Ю. Белых – в 23 года становится вице-президентом Пермской финансово-производственной группы, в 29 лет – вице-губернатором Пермской области, спустя год он избирается председателем партии «Союз правых сил», а в 33 года становится губернатором Кировской области. Д. Н. Патрушев (сын Н. П. Патрушева) в 23 года стал председателем правления Россельхозбанка, С. С. Иванов, сын вице-преьера Сергея Иванова, ещё до своего тридцатилетия успел поработать вице-президентом «Газпромбанка» и заместителем председателя правления Газпромбанка. Сын Валентины Матвеевко,

С. Матвеевко, к 30 годам становится вице-президентом банка «Санкт-Петербург» [17, с. 41].

П. Ю. Губарев в 30 лет (род. 10.03.1983 г.) стал начальником мобилизационного управления министерства обороны Донецкой Народной Республики и «Народным» губернатором Донбасса.

Современные исследователи, в частности А. А. Зеленин, определяют молодёжь как «общественно-исторический и социокультурный феномен, представляющий большую биосоциальную возрастную группу, которая обладает определённой мерой субъектности и потенциалом развития, возможность реализации которых зависит как от конкретно-исторических условий общественного развития макроуровня социальной действительности, так и от типа общественного устройства отдельно взятого государства» [6].

Давая характеристику молодёжи, нельзя не видеть, что это, как правило, динамичный субъект общественной жизни. Облик молодёжи часто обусловлен особенностями как национального, так и международного политического процесса.

Сегодня внимание власти и общества к молодёжи объективно обусловлено тем, что молодое поколение – это носитель инновационно-креативного потенциала, особых способностей к творчеству. С понятием «молодёжь» в прямой зависимости связи находится понятие «будущее» любого общества. Но, к сожалению (особенно в период серьёзных политических трансформаций), эта связь признаётся чаще всего лишь на уровне понятий и представлений, а не реальной практики и политики.

Понимание природы качественных характеристик молодёжи непосредственно связано с субъективными противоречиями, которые являются источником ее развития. Молодёжь, будучи частью общества, включена во всё многообразие его связей и отношений. Вместе с тем ей присущи специфические общественные функции – биологически-воспроизводящая, трансляционная, инновационная.

Несколько упрощая проблему, можно утверждать, что молодёжь может внести в жизнь общества такой по масштабу и характеру вклад, какую систему идей, ценностей, знаний и нравственных качеств заложит в неё общество.

С экономической точки зрения специфика молодёжи заключается в том, что в обществе модерна значительная её часть (учащиеся, студенты и т. д.) еще не включена в процесс производства и потому исключена из процесса распределения продуктов этого производства, и не обладает полной личной самостоятельностью в принятии решений.

Молодёжь не является гомогенной системой, она часть общества и включена во всё многообразие связей процессов и отношений, и выполняет ряд присущих ей общественных функций, выступая одновременно и субъектом и объектом молодёжной политики. С этим связаны её определённые особенности, а осуществляя на практике свои функции, молодёжь сталкивается с противоречиями, нередко переходящими в конфликты.

Во-первых, непосредственно с миром политики молодёжь сталкивается уже будучи первично социа-

лизированной. Поэтому физический, интеллектуальный, эмоциональный потенциал молодёжи зачастую приходит в столкновение с политической реальностью.

Во-вторых, социально активная деятельность нередко наталкивается на неприятие молодёжи как группы, имеющей свои специфические интересы (противоречия деятельности и норм). При объяснении влияния этих конфликтов на молодую личность уместно использовать концепцию Р. Мертсона, связывающую возникновение девиантных и ретристских форм поведения молодёжи с невозможностью реализации приоритетных целей.

В-третьих, возникают несоответствия между социальным выбором и индивидуально-личностными предпочтениями (противоречие норм и интересов).

МП с позиций молодёжной субъектности носит двусторонний характер, с одной стороны – социализация, как форма принятия общественных отношений, а с другой стороны – ювентизация, как форма обновления общества, связанная с включённостью в его жизнь молодёжи.

В настоящее время усложнение общественно-трудовой деятельности, в которой должен участвовать молодой человек, повлекло за собой удлинение необходимых сроков обучения. Новые поколения молодёжи значительно позже, чем их ровесники в прошлом, начинают самостоятельную трудовую жизнь, дольше учатся. Отсюда удлинение периода ролевого моратория (когда молодой человек «примеряет» различные взрослые роли, но еще не идентифицируется с ними окончательно) и изменение соответствующих социально-психологических стереотипов.

Поэтому некоторые исследователи утверждают, что одной из специфических особенностей молодёжи в нашем индивидуализированном обществе являются неустойчивые ролевые и статусные позиции [18, с. 131 – 133].

В условиях постмодерна, где критерии социальной стратификации и классовой идентичности максимально размыты и неустойчивы, сама индивидуальная социальная мобильность начинает приобретать черты виртуальной галлюцинации, когда каждый волен верить во что угодно, считать себя и других кем угодно. Традиционное общество (премодерн) отрицает понятие молодёжи, поскольку в нём возможны лишь две социально-демографические категории – это дети и взрослые, ритуал же инициации чётко определяет границы и сакрализует факт перехода от детского состояния к взрослому, а модерн, признавая понятие «молодёжь», рассматривает его, тем не менее, как некое временное, промежуточное состояние, как «недостаток, который быстро проходит» (И. В. Гёте) или в другом варианте «Молодость – единственный недостаток, который проходит с годами» (Б. Шоу), но в постсовременном обществе молодёжь, как статус, универсализируется и теряет жёсткую привязку к хронологическому возрасту.

В модерне, а тем более в премодерне, ни сама молодёжь, ни молодёжные движения, организации не могли быть самостоятельными без покровительства, или в каком-то смысле аналога во взрослых структу-

рах. Поскольку для молодого человека модерна «...основной социальной функцией является подготовка к статусу взрослого члена общества» [18, с. 410]. Соответственно, в «модерне» государство являлось если не основным, то наиболее значимым институтом молодёжной политики.

При переходе от индустриального общества (модерна) к постмодерну МП выходит на международный уровень. Молодёжные движения и организации обретают субъектность в молодёжной политике. Здесь же происходит изменение вектора геронтологической сегрегации, создающее сложности ювенологам. Они утверждают, что молодёжь универсализирована в качестве объекта дискриминации по возрастному признаку [1, с. 75 – 81], и именно эту статусную неполноценность молодёжи призвана компенсировать молодёжная политика. Методологически выделение «ювенологии» в особую науку означает признание универсальности свойств молодежи, их независимости от общественного строя.

Так в «Основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации» [13], принятых Верховным Советом в 1993 г. в качестве приоритетных, разработчики закладывали определённые идеи. Первая в том, что независимо от личных обстоятельств, в том числе от уровня благосостояния семьи, молодой человек испытывает трудности социального становления. Недостатки его социального статуса надо компенсировать, поэтому объектом молодёжной политики выступают не отдельные группы молодежи, а вся молодёжь. Видимо такой подход и побуждал часть исследователей рассматривать молодёжную политику исключительно в границах политики социальной [7].

Вторая идея в том, что государство формирует условия и гарантии для самореализации личности молодого человека и развития молодёжных объединений в движение инициатив, причём молодёжь рассматривалась как потенциал будущего состояния общества.

Однако данный подход допустим для модерна, но в контексте реализации функций молодёжной политики в постсовременном обществе неэффективен. Причина этому в том, что в сегодняшних условиях постмодерна молодёжь не является гомогенной социально-дискриминируемой группой по возрастному критерию «молодёжности», а значит и молодёжная политика, в отличие от политики в отношении ветеранов, престарелых, инвалидов и т. д., не может являться политикой компенсации, восполнения того, чего якобы молодёжь лишена в силу её статусной «неполноценности». Некоторые исследователи считают, что более оправдан «широкий» подход, объединяющий под указанной социально-демографической группой всю совокупность молодых индивидуумов с момента рождения и до достижения ими определённого возраста (30 – 35 лет) [12].

Весьма релевантной теории постмодерна является концепция «префигуративной культуры» М. Мид, изложенная ей ещё в 60-е годы XX века. По мнению М. Мид, общество «префигуративной культуры» [22]

сталкивается с ситуацией, когда старшие поколения начинают существенно уступать в своей эффективности поколениям младшим, вследствие чего традиционная пирамида геронтократической иерархии оказывается перевернутой, а формирование молодёжной политики сопровождается её же дезонтологизацией. Отсутствие в постсовременной культуре ответа на смыслообразующие вопросы проявляется в положительной динамике молодёжных девиаций в формах преступности (новация), наркомании, алкоголизма, суицида (ретритизм). Молодой человек в постмодерне предстаёт уже не как «мостик», а как онтологически завершённая модель, как то, что не трансформируется во взрослого и тем более пожилого человека, а то, что вечно, всегда остается молодым человеком.

И здесь состояние молодости приобретает небывалую раньше ценность. Постепенно эта ценностная установка возраста и состояния фиксируется через культуру, через императивы общества потребления. Здесь и зарождается феномен МП постмодерна, поскольку в постмодерне молодой человек, в своём переходном состоянии не прошедший обязательной в премодерне и, отчасти, модерне инициации, но уже переставший быть ребенком в биологическом смысле, принимается в качестве эталона.

Подходы к решению большинства наивных проблем видятся многим ученым в развитии интегральной науки о молодёжи – ювенологии. В своей работе «Введение в ювентологию» Ф. Малер выделяет онтологическую проблематику и парадигмальные основы ювентологии (генезис молодости, структуры и динамики, «статуса-роли») [21].

Ювенологические концепции рассматривают молодёжь как группу, обладающую определённой степенью автономности и рядом сходных признаков в различных социально-политических системах. Это, во-первых, степень включённости в общественную жизнь, отличающаяся от старших поколений, во-вторых, перманентное стремление к новациям, к некоторому «экстремизму», особенно активно проявляющемуся в периоды бифуркации в эпоху перемен, кризисов.

Интерпретируя ювенологов, можно сказать, что молодёжь – это своеобразный «мостик» от детства к зрелости [17, с. 98]. К этой идее и её трансформации в постмодерне мы ещё вернёмся.

В науке принято рассматривать молодёжный возраст как, по крайней мере, отчасти маргинальное состояние [1]. В модерне маргинальность обусловлена тем, что молодой человек находится в промежуточном состоянии между миром детства, из которого он уже вырос и взрослым миром, в который он переходит, но ещё не перешёл окончательно. Молодой человек оказывается на «ничейной земле», и всё его существо оказывается «разорвано» между этими мирами.

Спецификой же общества постмодерна является то, что в этом состоянии обе реальности находятся в симбиозе, а само состояние перехода здесь принимается за норму, т. е. становится «основным» состоянием. Значимой проблемой ювенологов остаётся и неопределённость базовых для них подходов и катего-

рий, что, по мнению С. Н. Першуткина, может привести к путанице [17, с. 43]. Дело в том, что у ювенологов происходит путаница в определении понятия: одни говорят об ювенологии (И. М. Ильинский, Д. М. Давпетшишина, Е. Г. Слуцкий), другие об ювентологии (В. А. Луков, Ф. Малер, В. В. Павловский) [7; 8; 12; 21].

Между тем процессы, наблюдаемые в молодёжной среде, требуют принципиального переосмысления самой методологии молодёжных исследований. Мы наблюдаем отрыв «молодёжности» от границ хронологического возраста. Становится массовым феномен «пожилых юношей», проявляющийся в коммуникации, политическом участии, потреблении, супружеском поведении. Вещи становятся атрибуцией групповой принадлежности и дистанцирования от «чужих», к которым оказываются причисленными группы старшего поколения, причём стигматизация «чужих» происходит по критериям, отличным от традиционного (хронологического) возраста. Так, согласно П. Бурдье, сходство социальных позиций индивидов выражается в сходстве их взглядов, сходством габитуса. Габитус (ментальные модели постижения мира), представленный в виде установок и ориентации субъектов, в качестве моделей восприятия и оценки, а также когнитивных структур, возникает в результате интернализации индивидом структур социальной реальности. Габитус отражает ту социальную позицию, в рамках которой он был сконструирован.

В свою очередь габитус продуцирует поддающиеся классификации и объективно дифференцированные образцы поведения и представления [3, с. 143]. Однако, их восприятие доступно только субъектам, обладающим кодом, этими самыми классификационными моделями, позволяющими понять значимость данного поведения и представлений.

В реальных взаимодействиях общность и различия социальных признаков субъектов выражены символически, социальная дифференциация функционирует как символическая дифференциация, например, иерархия статусных позиций в явной форме существует как иерархия стилей жизни. Это означает, что структура социального пространства латентна, а субъекты осознают свои социальные различия только в символической форме, т. е. индивид делает вывод о статусных различиях по различиям в поведении, манерах, одежде субъектов и т. д.

Традиционное общество ограничивало молодёжь как «недостаточно взрослых», но в условиях префигуративной реальности общество воспринимает взрослых как «немолодёжь». Это становится новой парадигмальной моделью взглядов. Наблюдается процесс юнивелизации всего социального пространства.

В постмодерне молодой человек – это в некотором смысле идеал, к которому нужно стремиться. Если в предшествующую эпоху молодёжь и подростки часто копировали имиджевые черты старших возрастных групп – отращивали усы, бороду и т. д., стремясь трансформировать свой молодёжный недостаточно престижный статус. В постмодерне всё наобо-

рот, пластические операции, стволовые клетки, диеты, молодёжный «тусовочный» стиль – являются инструментами создания желаемого статусного образа, соответствующего молодёжному возрасту. Яркий пример – эстрадные «звёзды», как отечественного, так и мирового масштаба.

Проблематика возраста – это особенная тема постмодерна. Известно, что возраст не сводим к одному лишь его хронологическому выражению.

Многие исследователи пытаются интерпретировать представление о молодости, как готовности к перемене, и старости, как привязанности к устоявшимся формам жизни [17, с. 230].

Однако следует отметить, что возраст является объективным, но далеко не однозначным показателем, характеризующим индивида. Зачастую исследователи, говоря о возрасте, имеют в виду различные понятия. Так, хронологический или абсолютный возраст представляет собой период времени от рождения до рассматриваемого момента. С позиции хронологического подхода О. М. Карпенко и И. А. Ломанов делят молодёжь на четыре группы.

Подростки – 14 – 15 лет. Это, по их мнению, иждивенцы, для которых характерны диспропорции в физиологическом и психологическом развитии.

Юношество – 16 – 19 лет, у них активизируется процесс политической социализации, расширяется диапазон общественно-политических ролей и связанной с ними ответственности.

Средняя молодёжь – 20 – 25 лет – взрослые в физиологическом отношении, они продолжают процесс политической социализации.

Старшая молодёжь (молодые взрослые) – 26 – 30 (в отдельных случаях до 35 лет). В этом возрасте завершается процесс формирования политически зрелой личности [8].

Биологический возраст соответствует стадиям развития организма и определяется по таким характерным физическим признакам, как, например, половое созревание. Физиологически молодость, как процесс развития биологической системы, заканчивается в 19 – 20 лет у женщин и в 21 – 22 года у мужчин. Однако в других измерениях завершение молодости не совпадает с биологическим и заканчивается значительно позже.

В повседневности, говоря о возрасте, часто имеют в виду совершенно различные характеристики и проявления: это и состояние человека как биологической системы, и социальное измерение возраста, то есть совокупность его признанных обществом достижений, и психологическое, и другие измерения возраста. Ю. Р. Вишневецкий и В. Т. Шапко признают «стилевой» подход к интерпретации молодёжи, в соответствии с которым молодёжь предстаёт весьма «размытым» явлением – «...молодыми считаются те, кто ведёт молодёжный образ жизни, но еще не входит, или уже вышел из молодёжного возраста. Современные отношения между открытой когда-то молодёжью и тем, что называется «постмодернити» даже нарушили многие категории, включая ассоциации между молодостью и возрастом, молодостью и новаторством» [18, с. 221]. Уже в модерне И. С. Коном отмечается

всё возрастающая неопределённость границ молодёжного возраста: «Одни авторы зачисляют сюда (*в молодёжь – курсив автора*) людей от 14 до 25 лет, другие – от 17 до 25» [10]. Кон отмечает, что «... в целом грани перехода к зрелости в современном обществе размыты, неопределены». Теперь предположим, что постмодерн отличается от предшествующих эпох тотальным смещением и смешением возрастных позиций, то есть позиций хронологических, физиологических, психологических, политических и социальных. Возможно поэтому категория «поколение» всё настойчивее замещается в научных исследованиях понятиями «возрастной класс» или «когорты», последняя, согласно Л. Шовэль, «должна пониматься не как общественная организованная группа, а как конкретный общественный период времени: песчинка общественных песочных часов» [18, с. 212]. Постмодерн в этом смысле характеризуется не просто неконгруэнтностью, но подчас и антагонизмом биологических, хронологических, социально-психологических, кратологических возрастных позиций – статусов, что провоцирует перманентную внутриличностную напряжённость. Появляется всё больше «молодых» людей, которым за 40 и даже 60 лет, оказавшихся неспособными смириться с тем, что они уже не молоды. В постмодерне наблюдается и даже становится массовым состояние возрастной неконгруэнтности, т. е. несовпадения в пределах личности, либо групп нескольких возрастных позиций. Такое явление, разумеется, имело место и ранее и в модерне, и даже в премодерне, однако только в постмодерне это явление становится глобальным. Состояние возрастной неконгруэнтности, т. е. когда по одним критериям человек является молодым, а по другим уже не является, мы предлагаем обозначать постмолодёжью, т. е. молодёжью постмодерна. Можно сказать, что в постмодерне молодёжь не просто исчезает, как утверждают авторы концептуального отрицания молодёжи М. Байзерман и Д. Мангусон [16, с. 61], но трансформируется в новую молодёжь (постмолодёжь). Мы имеем в виду статью американских учёных М. Байзермана и Д. Мангусона «Нужна ли нам по-прежнему молодёжь как социальная фаза?». Авторами статьи высказывается идея, что в обществе постмодерна вычленение молодёжи в качестве социально-демографической категории утрачивает актуальность. И они призывают «научиться смотреть поверх возраста на личность и человека». Комментируя данную концепцию, А. И. Ковалёва и В. А. Луков отмечают, что «В идее отрицания молодёжи ...меньше всего следовало бы искать намерение исследователей отойти от жизненных реалий». Напротив, по их мнению, те молодёжные концепции, которые утвердились в современной науке, «...не позволяют достаточно адекватно на теоретическом уровне представлять действительность быстро и радикально меняющуюся» [9].

Итак, в премодерне (традиционное общество) молодёжь не существовала ещё (взаимодействуют дети и взрослые), а в постмодерне – не существует уже в понимании характерном для модерна, а если существует, то совершенно в ином качестве, в качестве но-

вой молодёжи (постмолодёжь), но уже как господствующего «возрастного класса» эпохи постмодерна. Предлагаемое нами понятие «постмолодёжь» связано с двумя категориями, это категория постмодерна, раскрываемая в работах, рассматриваемых нами в диссертации постмодернистов и категории «постполитика», которую используют для обозначения процесса и результата десокрализации традиционных структур в политике [18, с. 401 – 403].

Предлагаем рассмотреть некоторые принципиальные отличия молодёжи модерна от «постмолодёжи» как новой молодёжи, молодёжи – постмодерна.

Молодёжь – чётко определены возрастные границы (верхняя и нижняя) молодёжного (хронологического) возраста.

Постмолодёжь – отсутствует ясность, определённость в определении границ молодёжного возраста. Неопределённость границ возрастает и в процессе глобализации, поскольку в разных государствах существуют разные представления, нормы границ молодёжного (хронологического) возраста, но даже и в рамках одной национальной модели нет полной ясности в вопросе о границах молодёжного возраста, поскольку разные направления и проекты МП предполагают немного разные границы этого возраста.

Молодёжь – характеризуется статусной неполноценностью (готовится стать...).

Постмолодёжь – обладает статусным превосходством (боится утратить...).

Молодёжь – основное занятие, это обучение (ролям, овладение знаниями, умениями, навыками).

Постмолодёжь – пребывает в состоянии перманентной игры. Работа, семья, друзья, личная жизнь, учёба (обучение, переобучение, которое в постмодерне сопровождает человека на протяжении практически всей жизни) – воспринимаются как элементы игры.

Молодёжь – сравнительно гомогенна.

Постмолодёжь – чрезвычайно гетерогенна. Как отмечают Ю. Р. Вишневецкий и В. Т. Шапко «...Сегодня дифференцирующие факторы среди молодёжи проявляются более весомо и зримо, чем интегрирующие...» [4, с. 28].

Молодёжь – присутствует ограниченный ролевой мораторий: время выбора политических убеждений, сферы деятельности, супруга, профессии.

Постмолодёжь – происходит существенное продление сроков ролевого моратория, для многих людей он становится перманентным и продолжается на протяжении всей жизни.

Молодёжь – ограниченная маргинальность как состояние перехода от мира детства к взрослому миру.

Постмолодёжь – высокомаргинальна.

Молодёжь – возрастная конгруэнтность, где каждый возраст (психологический, физиологический, хронологический и др.) – это элемент единой системы и между ними не возникает противоречия.

«Смешон и ветреный старик, Смешон и юноша степенный» А. С. Пушкин.

Постмолодёжь – агрегация возрастных позиций, их неконгруентность, конфликт возрастов, когда... и на сноуборде хочется покататься, и проклятый радикулит замучил...

«...26 числа этого месяца мне исполняется 56 лет, а я все еще не стал взрослым...» Шоу Джордж Бернард.

Отметим, что в постмодерне Б. Шоу не одинок, так 2 февраля 2008 г. 23-й президент Франции Н. Саркози в возрасте 56 лет женился на фотомодели и поп-звезде К. Бруни. Это была его третья женитьба и первый случай, когда глава Французской республики женился, будучи в должности президента.

В связи с этим кажется риторическим вопрос: почему Ленин (скончался в 53 года) в возрасте 50 лет уже был «дедушкой Лениным», а В. В. Путин в 60 лет – по-прежнему молодой, энергичный лидер?

Уместно также привести высказывание экс-премьер-министра Италии Сильвио Берлускони «...Я люблю быть среди молодых людей, мне нравится их слушать, нравится окружать себя молодежью» [14]. 74-летний Сильвио обвинялся в пользовании услугами несовершеннолетних путан и злоупотреблении служебным положением при освобождении одной из них из полицейского участка. Впрочем, сам Берлускони оценивает свой биологический возраст лишь в 36 лет [2].

Один из крупнейших отечественных специалистов в сфере молодёжной политики С. В. Алещенок замечает: «Сложившуюся во всех современных обществах «молодежную» фазу жизни, в рамках которой функционирует собственно молодежь и развивает специфически молодежный образ жизни, можно рассматривать и как своего рода резервацию. Однако

рамки «молодежной» фазы жизни подвижны и зависят от конкретных общественных условий. Для отдельных социальных групп населения эти рамки могут сужаться, вплоть до полного исчезновения подобно тому, как это было на доиндустриальной фазе общественного развития» [1, с. 5].

Отсутствие молодёжи на ранней стадии развития человеческого общества отмечается и И. М. Ильинским [7, с. 121].

Переход от детского состояния к состоянию взрослому (в аспекте обретения социально-политического статуса) в премодерне является одноактным и продолжается в течение акта инициации, сопровождающегося, как правило, испытаниями, болью и заключающим в себе символизм духовного и социального рождения. Молодёжь впервые возникает в модерне, как период многоактной, растянутой инициации. В премодерне инициация была одноактной – отсюда и отсутствие массовой молодёжи в премодерне, исключение могли составлять отдельные элитарные группы: касты или сословия. «Постмолодёжь» же окончательно лишена инициации в отличие от «растянутой» инициации молодёжи модерна. Так же и политическая социализация в постмодерне, в отличие от премодерна, не может считаться завершённой в юности или зрелости, но продолжается на протяжении всей жизни человека.

Итак, молодёжь – это именно концепт общества эпохи модерна (индустриальное общество), в премодерне (традиционное общество) её время ещё не наступило (поэтому там и нет молодёжи – лишь дети и взрослые), а сейчас, в наступающем постмодерне – оно видимо уже заканчивается и молодёжь сменяется постмолодёжью.

Литература

1. Алещенок С. В. К проблеме новой концептуализации молодежи // Методологические проблемы исследования молодежи: материалы к дискуссии / НИЦ при Ин-те молодежи. М., 1998.
2. Берлускони попутал свой возраст // Moscow-post. Режим доступа: http://www.moscow-post.ru/news/in_world/001290774121995
3. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // Альманах THESIS. Весна, 1993. Вып. 2. Социология политики.
4. Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Парадоксальный молодой человек. М.: Социологические исследования 2006. № 6.
5. Голофаст В. Б. Элементы социологической теории молодёжи // Человек и общество: социальные проблемы молодёжи / под общ. ред. Б. Г. Ананьева, Д. А. Керманова; Ленингр. гос. ун-т. Учен. зап. Вып. VI. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1969.
6. Зеленин А. А. Механизмы реализации молодёжной политики Российской Федерации на региональном уровне: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Н. Новгород, 2008.
7. Ильинский И. М. Молодёжь и молодёжная политика. Философия. История. Теория. М.: Голос, 2001.
8. Карпенко О. М., Ломанов И. А. Молодёжь в современном политическом процессе в России. М.: Изд-во СГУ, 2006. 560 с.
9. Ковалева А. И., Луков В. А. Социология молодежи: теоретические вопросы. М.: Социум, 1999. 351 с.
10. Кон И. С. Психология юношеского возраста. М., 1979.
11. Лисовский В. Т. Методология и методика изучения идеалов и жизненных планов молодёжи: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Л., 1968.
12. Павловский В. В. Ювенология: становление науки о молодежи. Красноярск, 1997. 136 с.
13. Постановление ВС РФ «Об основных направленных государственной молодёжной политики в Российской Федерации, № 5090-1 от 3 июня 1993 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 25.
14. Процесс по делу Сильвио Берлускони стартовал в Милане // Новости от Первого канала на 06.04.2011. Режим доступа: <http://subscribe.ru/archive/tv.news.1tv/201104/06180121.html>

15. Чирун С. Н. Молодежная политика: теория и практика взаимодействия: монография. Кемерово, 2008. 167 с.
16. Чирун С. Н. Проблемы экстремизма в молодежной политике постсовременности: монография. Кемерово, 2010. 129 с.
17. Чирун С. Н. Политический активизм и субъектность молодежи: российская молодежь в процессе формирования институтов гражданского общества. Saarbrucken, Deutchland: DICTUS PUBLISHING, 2013. 277 с.
18. Чирун С. Н. Молодежная политика в состоянии постмодерна: модели, механизмы, риски: монография. Saarbrucken, Deutchland: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 522 с.
19. Fouriuer M. Generattions: volees, dorees, sacrificees? // Sciens Humaines. 2000. № 108. P. 19.
20. London Communique Towards the European Higher Education Area: responding to challenges in a globalised world, 18 May. 2007.
21. Mahler F. Introduzere in Juventologie. Bucurestj, 1983.
22. Mead M. Culture and Commitment. N.Y.: Natural History Press. Doubleday and Co Ins., 1970.

Информация об авторе:

Сергей Николаевич Чирун – кандидат социологических наук, доцент, академик Сибирской академии политических наук, действительный член РАПН, докторант КемГУ, Sergii-tsch@mail.ru.

Sergey N. Chirun – Candidate of Sociology, Associate Professor, member of the Russian Association of Political Scientists, doctoral student at Kemerovo State University.

(Научный консультант: Желтов Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор, декан факультета политических наук и социологии КемГУ, vjeltov@kemsu.ru.

Research consultant – Viktor V. Zheltov – Doctor of Philosophy, Professor, Dean of the Faculty of Political Science and Sociology, Kemerovo State University).

Статья поступила в редколлегию 14.07.2014 г.